

Лариса Миллер

«О, создатель, дай ответ»

Перевод на английский by Rowan Williams

Эта двуязычная подборка стихотворений была опубликована:

- в Великобритании, «Creator, we need an answer» /

The New Statesman, 5 February, 2023

<https://www.newstatesman.com/culture/poetry-culture/2023/02/poem-creator-we-need-an-answer>

- частично в двуязычном альманахе «Как нам это пережить» / Составитель Татьяна Бонч-Осмоловская / Freedom Letters, июль 2024

<https://freedomletters.org/books/kak-nam-eto-perezhit>

- в Нидерландах, небольшой двуязычной книгой в переводе Anne Stoffel («O Schepper, geef antwoord!», Pegasus, Amsterdam)

<https://www.pegasusboek.nl/o-schepper-geef-antwoord.html>

и на русском в журналах:

- «Вестник Европы», 2023/60

<https://magazines.gorky.media/vestnik/2023/60/o-sozdatel-daj-otvet.html>

- «Новая юность», 2022/6(171)

https://magazines.gorky.media/nov_yun/2022/6/novye-stihi-50.html

и 2023/5(176)

https://magazines.gorky.media/nov_yun/2023/5/speczialist-po-rajskim-kushham.html

- «Новый берег», 2022/79

<https://magazines.gorky.media/bereg/2022/79/perednij-kraj.html>

Где-то рядом - смертный бой,
Перестрелка, битва, стычка,
Здесь же - полог голубой
И порхающая птичка.
Где-то рядом - бойня, брань,
Кровь и гибель, сеча, схватка,
Здесь же - в утреннюю рань
Спят, посапывая сладко.
О, Создатель, дай ответ,
В мире, что Тобой основан,
Дня сегодняшнего бред
Был с Тобою согласован?

Somewhere not far away is fighting to the death,
exchange of fire, battles and skirmishes;
here though, there is a canopy of blue,
and a bird flutters overhead.
Somewhere not far away, carnage, abuse,
blood, death, clashes, dismemberment;
here though, in the early morning hours,
people are still asleep, and snuffle touchingly.
Creator, we need an answer from you:
in this world, the world that you established,
was all today's insanity always
part of the bargain with you?

Живу одним, но дивным днём,
Легко играющим с огнём
Листвы летящей.
Живу с утра до ночи в нём
Среди слепящей
Листвы, что ропщет на тщету
И, улета в темноту,
Вдруг за висает,
Творя невольно красоту,
Что мир спасает.

I live only one day, but an astounding one
that plays at ease with flames
of flying leaves;
morning to night, I live it through
amidst the blinding
leaves that protest against futility;
and, flying into darkness,
suddenly it hangs still
and, without meaning to, creates that beauty
that will save the world.

Но побеждает - нет, не скрежет, -
А звук, который ухо нежит.
И побеждает - нет, не вой, -
Беседа дождика с травой.
И побеждает не бряцанье,
А речки тихое мерцанье.
Не дикий рёв, не рык, не ор,
А певчих птиц рассветный хор.
Не чернь, погрязшая в обидах,
А чей-то тихий вдох и выдох.

But victory comes, not with gnashing teeth,
it comes with sounds that will caress our ears.
Victory comes, not with voices wailing,
it comes in conversation between rain and grass.
Victory comes, not with the rattle of weapons,
it is the silent glitter of a river.
Not a wild howl, a roar, a yell,
but birdsong at first light.
And not a mob bogged down in grievance,
just someone breathing quietly, in and out.

Когда, заглушая весенний галдёж,
Раздастся пронзительный голос сирены,
То ты, покидая родимые стены,
Бери только то, без чего пропадёшь.
Бери, собираясь в неведомый путь,
Кой-что из лекарств, кое-что из одежды,
А главное, каплю последней надежды
Средь прочих вещей захватить не забудь.

So, when the springtime noises are drowned out
by strident wailing from the sirens,
you, as you leave behind the walls you know,
take no more than you would be lost without.
Take it as you embark on unknown roads –
stuff from the medicine cupboard, a few clothes:
only, above all else, never forget to grab,
with all the other things, a final drop of hope.

В задымлённом пространстве, войны посреди
Кто-то юный с чудовищной дыркой в груди
Недвижимо лежит посреди мироздания,
Выполняя безумное чьё-то задание.
И галдит вороньё на кровавом пиру,
И терзает кровавую эту дыру,
И летают над пядью истерзанной суши
Безутешные, скорбные юные души.

In a smoky space in the middle of the battle,
some young man sprawls, a monster hole in his chest,
unmoving in the middle of the universe,
fulfilling somebody or other's mad command.
And the crows racket over their bloody meal,
and worry away at the bloody hole,
they fly across a stretch of tortured soil,
inconsolable, sorrowful young souls.

А в разбомбленном доме висит календарь,
Точно, как у меня. Мне такой же купили.
Календарь почернел, так как дом разбомбили,
Превратив чьи-то радости в пепел и гарь.
И висит календарь неизвестно на чём –
На какой-то веревочке, ниточке, леске,
И играет остаток цветной занавески
С заплутавшим случайно печальным лучом.

But in the bombed house, there is a calendar
just like mine. It's the same one I bought.
A calendar that blackened as the house was bombed,
turning all somebody's delights to ash and cinders.
A calendar that hangs precariously on something –
some sort of rope or thread or fishing-line,
and what's left of the coloured curtain plays
with a stray, casually regretful, sunbeam.

А стая птичьих божьих тварей
Сегодня ночью с трёх часов
В таком находится ударе -
Нет сна от птичьих голосов.
Заря в окно моё плескает
Пригоршни трелей и рулад...
И как Всевышний допускает,
Что где-то рядом суший ад,
Что где-то рядом с вешней птицей,
Чья песня льётся, как струя -
Домов обугленных глазницы
Глядят на пепел бытия?

A flock of the creator's bird-creation
starts up the song at three a.m –
such a clapping of sound, a din so loud
you can't sleep for the bird-noise.
And dawn is spattering my window
with a handful of trills and roulades.
So how come the Almighty sits back and permits
that somewhere not far away from the spring bird,
its song that runs in spate just like a brook,
there are charred eye-sockets of houses
looking out empty on the ashes of being?

Я о страшном и знать не хочу.
Сил не стало, - уж вы извините, -
На подробности с места событий.
Я ведь тоже тем рейсом лечу
В самолёте, что должен упасть
И пропасть где-то в тёмных глубинах.
Я ведь тоже боюсь, что в любимых
Может некий безумец попасть.
Я ведь тоже ночами бегу
От какой-то ковровой бомбёжки
И младенцу в кровавой одежке
Почему-то помочь не могу.

I don't want to know about all the horrors.
Sorry. There's just no strength left
to cope with all the on-site details.
I am a passenger too on the same flight,
a plane inexorably headed for the plunge
into some gulf or other, into shadowed depths.
I too am terrified some lunatic
is going to break in, get at the ones I love.
And I too, I'm running through the night,
running from saturation bombing,
and a baby with bloodstained clothes –
for some reason I can't help.

«Как живёте?», - спросили. Вот так и живём:

В пасти дикого зверя уют создаём,

В пасти дикого зверя наводим уют,

Занавески шуршат, половицы поют.

Мельтешим, шебаршим, а, устав хлопотать,

Позволяем себе в облаках повитать,

Если нам позволяет развёрстая пасть

Видеть светлых небес хоть какую-то часть.

“How’s life?” they asked. This is how.

In a wild animal’s jaws we make ourselves at home;

in a wild animal’s jaws we build our nest.

The curtains rustle and the floorboards sing.

Flickering and muttering, but too tired to bother,

we let ourselves drift off into the clouds –

if there is space enough to see, through the gaping jaws,

the shining heaven, or at least a bit of it.

Одомашнились слова:
«Перестрелка, взрыв, бомбёжка»
И звучат почти как «кошка»,
Как «дорожка» и «трава».
Чтобы дом свой утеплить,
Надо, двух налётов между,
Поселить в душе надежду,
Чтобы как-нибудь продлить
Эту жизнь, где дни подряд
За окном не снег искрится,
И летит не лист, не птица,
А убийственный снаряд.

The words have been domesticated:
“exchange of fire”, “explosion”, “bomb attack”;
they’ve come to sound almost like “cat”,
like “path”, like “grass”.
And if you want to warm your home,
then, in the gap between two raids
you need to give houseroom to hope,
so as somehow to prolong this life –
where day by day by day it is not
snow that sparkles outside the window,
nor is it leaf or bird that flies,
but the death-bearing missile.